

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ

<http://www.poisknews.ru/about/>

-«ПОИСК» - еженедельная газета для профессионалов в области научной и преподавательской деятельности, информационных технологий, а так же специалистов по управлению в сфере науки и образования.

**ДВАДЦАТЬ ЛЕТ РОССИЙСКИХ РЕФОРМ
В ОЦЕНКАХ ЭКОНОМИСТОВ И СОЦИОЛОГОВ
(двадцать тезисов о главном)**

Читателю предлагаются 20 тезисов о результатах 20-летия российских реформ.

Москва –2012 г.

Предисловие

2 января 1992 года Правительство РФ отпустило цены в «свободный полет». Эта дата и зафиксировала старт экономических преобразований в России, получивших название «гайдаровские реформы», двадцатилетие которых широко обсуждается как в нашей стране, так и за её пределами. Следует напомнить, что многие шаги по пути перехода к рыночной экономике осуществились ранее. Была преодолена изоляция страны от внешнего мира, уничтожена цензура, отвергнута идеология уравнительности, раскрепощена личная инициатива. Так, 6 марта 1990-го года был принят новый Закон о собственности и в стране был восстановлен институт частной собственности, появились коммерческие банки. С апреля того же года советские люди достаточно свободно могли выезжать за рубеж, и тогда же был разрешён валютный обмен.

Сформированное в ноябре 1991 года Б.Ельциным Правительство Е.Гайдара должно было осуществить дальнейшие шаги перехода от директивно-плановой к рыночной экономике: либерализацию цен и приватизацию. Переход государственной собственности в частные руки стал основным этапом рыночных преобразований. Приватизация 1992-1995 годов создала в России новых собственников и породила новые отношения собственности. **А именно эти отношения в системе общественных отношений являются базовыми.** Отношения собственности определяют не только экономическое развитие, но социальную структуру общества, его гражданско-правовую систему, организацию государственного управления, оказывают решающее влияние на массовые ценностные ориентации и установки, на общую морально-психологическую атмосферу в стране. Действие этого общественного закона становится сегодня всё более очевидным.

Экономические реформы, наряду с распадом СССР, стали самыми важными, знаковыми событиями новейшей российской истории, на многие годы определившими траекторию её развития. Поэтому и сегодня, спустя

двадцать лет, не прекращаются споры о необходимости этих реформ, способах их проведения и их последствиях. Но дискуссии об итогах двадцатилетия реформ не затрагивают основную массу населения России, хотя народ уже дал им свою оценку. Как показал проведённый Институтом социологии РАН в апреле 2011 года всероссийский опрос населения, только 4% респондентов положительно оценивают «гайдаровские реформы».

Нынешняя Россия во многом – результат деятельности реформаторов 1990-х и 2000-х годов. Но внутреннее состояние нашей страны – это не только российская проблема, оно оказывает огромное воздействие на мировые процессы. Значение и роль России в современном мире также диктуют необходимость проведения экономико-социологического анализа последствий осуществленных реформ. Тем важнее оглянуться на события 20-летней давности, посмотреть на них глазами современных поколений россиян. Также чрезвычайно важным представляется проанализировать то, как эти перемены сказались на жизни наших сограждан, их социальном и материальном благополучии, возможностях самореализации, эволюции их мировоззренческих установок, национальной самоидентификации, взглядов на окружающий мир, роль и место в жизни государства и общества, демократических институтов и норм и т. д.¹

Одна, притом, наиболее существенная очевидность уже налицо: экономическая модель, сформированная в 1990-х годах, нуждается в замене.

¹С целью выявления восприятия россиянами опыта реформирования экономической, социальной и политической жизни общества за последние двадцать лет, тех сдвигов, которые произошли в самом обществе за эти годы, в апреле 2011 г. Институт социологии РАН провёл общероссийское социологическое исследование: «Двадцать лет реформ глазами россиян». По репрезентативной выборке во всех территориально-экономических районах страны, а также в Москве и Санкт-Петербурге, было опрошено 1750 респондентов от 18 лет и старше, представляющих 11 социальных групп населения: рабочие предприятий, шахт и строек; инженерно-техническая интеллигенция; гуманитарная интеллигенция (учёные, преподаватели вузов, учителя школ, училищ); работники торговли, сферы бытовых услуг, транспорта и связи; служащие; предприниматели малого и среднего бизнеса; военнослужащие и сотрудники МВД; жители сёл и деревень; городские пенсионеры; студенты вузов; безработные.

Исследование проводилось в 58 поселениях, пропорционально населению мегаполисов, областных центров, районных городов и сёл.

Это признаёт и российская общественность, и руководство страны. Россия снова находится на распутье – и, похоже, она вновь на пороге выбора путей дальнейшего развития. Причем ясно, что адекватные решения вряд ли могут быть найдены в заимствовании уже известных рецептов, будь то на Западе или на Востоке. Ясно также, что нам нельзя повторять прошлые ошибки и впадать в соблазны узкого «экономизма» и рыночного фундаментализма начала 1990-х годов.

В этой связи возникает острая необходимость в комплексном междисциплинарном анализе пореформенного состояния российского общества. Пора «без гнева и пристрастия» оценить намерения и результаты преобразований за прошедшее двадцатилетие, а также выявить упущенные возможности развития и извлечь уроки из допущенных ошибок. Уже первые попытки выработки целостного взгляда на отечественную практику превращения одной системы человеческого общежития в другую показывают полезность и плодотворность погружения социологов в собственно экономическую материю, а экономистов – в многослойные мировоззренческие и психологические глубины сознания, потребностей, мотивов и интересов людей. Сегодня становится очевидным, что результаты экономического анализа должны сочетаться с социологическими замерами общественных умонастроений, что расширяет и углубляет знание о человеке, экономике и обществе. И этот опыт представляется незаменимым при исследовании настоящего и моделировании будущего.

Читателю предлагаются 20 тезисов о результатах 20-летия российских реформ.

Директор Института экономики РАН,
член-корр. РАН Гринберг Р.С.

Директор Института социологии РАН,
академик. РАН
Горшков М.К.

Оценки экономистов

1. Экономический кризис 1990-х гг. был неизбежен. Прошедшие 20 лет распадаются на два почти равных временных отрезка с разнонаправленными векторами экономической динамики. Первый, охвативший почти все десятилетие 90-х гг., характеризовался разрушением советской экономической системы и закладыванием основ новой. Этот период, завершившийся суверенным дефолтом 1998 г., сопровождался обвальным сокращением всех основных показателей производства в реальном секторе экономики, гиперинфляцией, расстройством бюджетной системы и денежного обращения, а также беспрецедентным для мирного времени падением уровня и качества жизни населения. В экспертном сообществе существует весьма широкий консенсус по поводу общей глубинной причины крупномасштабного экономического спада в стране, приступившей к радикальной замене плановой системы хозяйствования на рыночную.

Советская экономика в силу, прежде всего, собственной (административно– командной) природы оказалась не способна ответить на вызовы нового времени и потому проиграла глобальное экономическое соревнование, не сумев обеспечить ни эффективность экономики, ни создание условий для удовлетворения адекватных новым реалиям материальных и социальных потребностей массы населения на уровне, сопоставимом со странами Запада. Необходимость перехода к рыночной экономике не вызывала сомнений. Дискуссии велись только вокруг очередности и темпов перемен. Однако в любом случае такой переход - и это подтвердил практический опыт других стран, где происходили подобные же процессы - неизбежно вызывал трансформационную рецессию.

В СССР эта рецессия усугубилась тем, что в ходе начавшейся трансформации произошел распад государства. К этому привел целый комплекс сошедшихся воедино в определенный исторический момент объективных и субъективных причин. Дискуссиям о неизбежности распада

СССР или возможности его предотвращения, видимо, суждена ещё долгая жизнь. Вместе с тем, поскольку экономика СССР представляла собой единый народно-хозяйственный комплекс, построенный по принципу «единой фабрики» с высочайшим уровнем монополизации производства, постольку разрушение связей производственной кооперации, вызванное распадом государства и соответственно одномоментным «сломом» сложившейся системы централизованного управления не могло не привести к глубокому воспроизводственному «спазму».

Конечно, свою негативное воздействие на социально-экономическую динамику 1990-х гг. оказал и ряд принимавшихся в этот период экономических решений новых властей, а также отсутствие необходимых действий для смягчения рецессии, что, с нашей точки зрения, позволило бы пройти начальный период трансформации с меньшими социально-экономическими издержками. Однако в любом случае сама рецессия была неизбежной.

2. В 2000-е годы произошел переход к восстановительному процессу.

С конца 1990-х гг. начинается новый период в современной экономической истории России, политико-экономическим содержанием которого становится завершение формирования нового экономического порядка. Ныне можно говорить о создании целостной системы правовых и экономических институтов, адекватных современной рыночной экономике.

Одновременно этот период характеризуется переходом к положительной динамике валовых социально-экономических индикаторов. Так, несмотря на то, что в конце 2008 г. и на протяжении 2009 г. экономика России вновь «споткнулась» о кризис, по итогам 20-летия удалось не только восстановить, но и существенно превзойти «стартовые» показатели объема ВВП, который с учетом ожидаемых итогов 2011 г. более чем на 17% превысит уровень 1991 г. и согласно базовому основному варианту прогноза Минэкономразвития России к 2014 г. будет на треть выше, чем в 1991 г. На этой базе выросли реально располагаемые денежные доходы населения, величина которых по итогам двадцатилетия почти на четверть превысила показатель 1991 г. Более чем в два с

половиной раза сократилась доля населения с доходами ниже установленного прожиточного минимума. Удалось существенно снизить темпы роста индекса потребительских цен, к минимуму была сведена внешняя задолженность и восстановлена устойчивость денежной системы, выросло доверие к банковской системе страны. Накопленные финансовые резервы позволили удержать социально-экономическую стабильность в ходе кризиса 2008 - 2009 гг.

Положительные сдвиги появились в демографической ситуации: прекратилось снижение, а затем наметился рост рождаемости, которая с 2009 г. превысила уровень 1991 г. Одновременно происходило снижение смертности, что повлекло уменьшение коэффициента естественной убыли населения с 6,6 в 2000 г. до 1,7 в 2010 г. в расчете на 1000 чел. населения. Начал восстанавливаться показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении. Замедлились темпы сокращения численности населения.

3. Реальный сектор экономики далек от восстановления. Наряду с появлением положительных тенденций нельзя не видеть и того, что *более чем десятилетний экономический рост не решил главную задачу восстановления - возвращение к докризисному социально-экономическому уровню*. Более того, утвержденный правительством среднесрочный прогноз не решает эту задачу и к 2014 г.

Хотя объем ВВП превысил докризисный уровень, не произошло адекватных этому росту сдвигов в реальном секторе экономики. Важнейший источник роста – инвестиции в основной капитал – на четверть ниже уровня 1991 г. Объем строительных работ примерно на 30 %, а промышленного и сельскохозяйственного производства на 15 – 16 %, ниже этого уровня. Примечательно, что хотя к 2014 г. общий объем промышленного производства согласно основному варианту прогноза Минэкономразвития вплотную приблизится к уровню 1991 г., объемы инвестиций в основной капитал и произведенной сельскохозяйственной продукции сохранят десятипроцентное отставание. Важно заметить, что отставание в сельском хозяйстве определяется, прежде всего, отставанием в производстве важнейших видов

продовольственного сырья. Среднегодовой валовой сбор зерна и производство яиц в последней пятилетке прошедшего десятилетия (2007 – 2011 гг.) оказалось более чем на 17 %, валовой сбор картофеля на четверть, производство скота и птицы в убойном весе более чем на 30 %, а молока на 40 % ниже среднегодовых показателей 1986 – 1990 гг. Ясно, что такая ситуация только усугубляет продовольственную зависимость страны от импортных поставок.

4. Сохраняются негативные тенденции в развитии национального человеческого потенциала. Несмотря на существенное сокращение доли населения, чьи доходы находятся ниже прожиточного минимума, показатели относительной бедности не демонстрируют тенденции к снижению. В период 1992 - 2000 гг. прожиточный минимум составлял около половины среднедушевых денежных доходов с некоторой тенденцией к повышению. Однако в последнее десятилетие величина устанавливаемого прожиточного минимума по отношению к среднедушевым доходам стала сокращаться, составив к 2011 г. чуть более 30 %. В то же время доля населения с доходами менее половины среднедушевых продолжала оставаться на уровне рубежа 1990-х – 2000-х гг. При этом не менее двух третей из числа бедных и малоимущих граждан занято в экономике, что несовместимо с задачами ее модернизационного обновления. Не снижающийся же уровень детской бедности подрывает перспективы развития национального человеческого потенциала.

Высокий уровень относительной бедности сопровождается нарастанием избыточного доходного неравенства, что находит свое отражение в непрерывном за последние 20 лет росте соотношения между среднедушевыми доходами 10 % наиболее высокодоходных слоев и 10 % с наименьшими доходами (коэффициент фондов) и концентрации доходов (коэффициент Джини). При этом *динамика показателей дифференциации доходов населения даже не рассматривается в прогнозах Минэкономразвития.*

Соответственно возникают вопросы: за чей счет и в чьих интересах осуществляется экономический рост? Как это согласуется со стратегической задачей развития человеческого потенциала – главного фактора перехода к

новому качеству общественного воспроизводства, являющемуся фундаментальным условием его устойчивости в 21 веке?

Постановка таких вопросов представляется исключительно актуальной, если учитывать намерения правительства, в соответствии с которыми к 2014 г. планируется сокращение расходов государственного бюджета на 10 % на образование, в т.ч. почти на 45 % на общее, на 8 % на здравоохранение, на 6 % на развитие культуры и в пять раз на физическую культуру по отношению к 2011 г. Причем индекс потребительских цен за этот период согласно прогнозам увеличится на 14 – 17 %.

Что касается демографических показателей развития национального человеческого потенциала, то следует отметить, что рост рождаемости, наблюдавшийся в последние годы, связан, прежде всего, с ростом числа женщин, находящихся в фертильном возрасте. Начавшееся сокращение этой величины уже в 2011 г. привело к сокращению рождаемости по сравнению с 2010 г. и согласно прогнозам Минэкономразвития России к 2013 г. вновь окажется ниже уровня 1991 г. Поскольку смертность населения в 2010 г. оставалась на четверть выше, чем в 1991 г., а к 2013 г. даже при оптимистическом варианте прогноза превысит этот уровень на 20 %, постольку сохранится тенденция естественной убыли коренного населения России. Стабилизация же численности населения будет происходить за счет иммиграции, что в свою очередь будет способствовать обострению тех негативных процессов, которые наблюдаются в последние годы в отношениях между коренным населением страны и иммигрантами.

5. Резко усилилась сложившаяся в позднесоветской экономике зависимость от конъюнктуры мировых энерго-сырьевых рынков, усугубляемая деиндустриализацией страны. При всей важности восстановления объемных показателей главное заключается не в его темпах, а в устойчивости роста, которая в свою очередь зависит от его источников. Общеизвестна зависимость экономической динамики СССР в 70-е и 80-е годы от конъюнктуры международных рынков энерго-сырьевых товаров.

Начавшееся с 1980-х гг. падение мировых цен на энергоносители (прежде всего на нефть), а также на руды и металлы, послужило «спусковым крючком» замедления темпов экономического роста СССР, которое в 1990-х гг. перешло в полномасштабный экономический кризис. В наибольшей степени пострадали отрасли обрабатывающей промышленности. При общем сокращении промышленного производства наполовину добыча полезных ископаемых к 1998 г. сократилась на треть, в т.ч. топливно-энергетических ресурсов – на четверть, в т.ч. нефти – на треть по отношению к 1991 г. В то же время сокращение обрабатывающих производств составило 60 %.

В ходе последующего роста сырьевой сектор сумел не только восстановить, но и превзойти докризисные объемы. Добыча топливно-энергетических товаров уже к 2008 году увеличилась на десять процентов по сравнению с 1991 г., в то время как обрабатывающий сектор отечественной экономики, напротив, не только не возрос в результате реформ, но даже, спустя 20 лет не восстановил свои позиции. В результате *российская экономика оказалась в еще большей зависимости от конъюнктуры мировых энерго-сырьевых рынков, чем это было в советский период*. Признание этого факта содержалось и в Послании Президента страны Федеральному собранию Российской Федерации (2009г.): «Мы так и не избавились от примитивной структуры экономики, от униженной сырьевой зависимости». Поэтому, когда начавшееся со второй половины 2008 г. падение сырьевых цен на мировых рынках привело к сокращению доходов от экспорта продукции сырьевых отраслей, обрабатывающие производства в силу своей неразвитости не смогли поддержать экономический рост, и российская экономика погрузилась в рецессию. Именно поэтому падение российской экономики в 2009 г. оказалось гораздо глубже по сравнению как с индустриально развитыми, так и с быстроразвивающимися странами.

При этом если в ходе кризиса 2009 г. добывающие производства, в том числе добыча топливно-энергетических ресурсов практически остались на уровне 2008 г., а добыча нефти даже слегка увеличилась, то обрабатывающие

производства «обвалились» на 14 %. Соответственно, стоило с 2010 г. вновь изменится конъюнктуре цен на сырьевые товары российского экспорта - от падения к росту - российская экономика немедленно отреагировала переходом к положительным значениям роста ВВП. Возникает закономерный вопрос: какова доля в нынешнем росте ВВП усилий антикризисной политики правительства в 2008 – 2009 гг., и какова - изменений внешнеэкономической конъюнктуры? Вместе с тем, и в ходе роста 2010 – 2011 гг. в динамике структуры промышленного производства сохраняются те же тенденции, и их продолжение отчетливо просматривается в среднесрочном прогнозе Минэкономразвития России до 2014 г.

Таким образом, одна из основных задач экономической реформации России - *преодоление «структурной деформированности» российского воспроизводственного комплекса, явившейся материальной основой экономических кризисов 1990-х гг. и 2009 г., не была решена в прошедшие 20 лет и не будет, судя по всему, решена до середины текущего десятилетия.* И дело здесь не в «гипертрофированном» развитии энерго-сырьевого комплекса России. Темпы его роста отражают естественные конкурентные преимущества российской экономики и их использование – обязательное условие успешного развития. Проблема в том, что наряду с развитием сырьевых производств для обеспечения устойчивого роста необходимо адекватное развитие перерабатывающих. Фундаментом последнего являются машиностроительные производства и, прежде всего, станкостроение. Однако именно в этих отраслях положение дел близко к катастрофическому.

Производство машин и оборудования в 2000 г. составило лишь около трети уровня 1991 г. При этом, если СССР по производству металлообрабатывающего оборудования находился на втором месте в мире, то ныне ситуация принципиально изменилась. Производство металлорежущих станков в 1998 г. сократилось по отношению к уровню 1990 г. почти в 10 раз, кузнечнопрессовых машин – более чем в 20 раз, этого же оборудования с числовым программным

управлением в 100 раз, автоматических и полуавтоматических линий для машиностроения и металлообработки – почти в 30 раз.

Даже в ходе последующего экономического роста в нулевые годы сложившиеся тенденции не только не преодолены, но и продолжают усугубляться. В результате доля машиностроения в структуре обрабатывающих производств снизилась до 19 % (2009 г.), что означает более чем двукратное отставание по этому показателю от Японии и Германии и полуторократное - от Китая, США, Франции и Великобритании. Отставание машиностроительных производств неизбежно влечет рост доли морально и физически изношенного производственного оборудования. Если в 2000 г. доля производственного оборудования в промышленности со сроком службы свыше 20 лет составляла 38,2 %, то к середине десятилетия – уже более половины. В настоящее время доля технологического оборудования в возрасте от 16 до 35 лет в общем объеме парка реального сектора экономики составляет около 80%. При этом факторы, порождающие указанную тенденцию, судя по всему, продолжают свое действие и в ближайшей перспективе, так как согласно официальному прогнозу производство машин и оборудования в середине текущего десятилетия будет все еще на 30 % ниже уровня 1991 г., а производство металлорежущих станков в стране не достигнет уровня 2008 г. и окажется вдвое меньше, чем в 2000 г.

6. Нарастает технологическое отставание России от стран-лидеров.

Перспективность экономического роста определяется не только количественными показателями развития его материально-технической базы, но и ее технологическим уровнем. Страны - технологические лидеры современного мира характеризуются освоением пятого и началом перехода к шестому технологическому укладу. По оценкам РАН, российская экономика в основном функционирует в рамках четвертого технологического уклада с элементами пятого. При этом Россия обладает потенциалом, чтобы завершить переход к пятому технологическому укладу с одновременным завоеванием ниш (10-15 % мирового рынка) в рамках шестого технологического уклада.

Учитывая, что в ходе кризиса 1990-х гг. в наибольшей степени пострадали высокотехнологичные наукоемкие отрасли (доля наукоемкого сектора в общем объеме промышленного производства в 1990-е гг. сократилась примерно вдвое – с 12 до 6 процентов), составляющие ядро пятого и шестого технологических укладов, экономические власти еще в 2000 г. в проекте Основных направлений социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2010 г. сформулировали задачу модернизации экономики на основе инновационного варианта ее развития. Но в реальной жизни все пошло по иному сценарию.

Как отмечается в подготовленном Минэкономразвития России Проекте стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года, «из запланированных в Стратегии развития науки и инноваций в Российской Федерации до 2015 года результатов на I этапе (2006-2007 г.) достигнуто лишь менее трети от запланированных показателей. Об этом же говорит и официальная статистика, согласно которой в российской промышленности на протяжении всех лет экономического роста в нулевые годы число организаций, осуществлявших технологические инновации, постоянно оставалось ниже десятипроцентного уровня. Поэтому стабильно низкой - на уровне 4 - 5 % - сохранялась доля инновационных товаров, работ и услуг в общем объеме реализованной продукции.

В результате показатели инновационной активности российской экономики несопоставимы со странами, чья экономика опирается на пятый технологический уклад. В то время как основная доля инноваций в передовых странах приходится на радикальные нововведения, определяющие их технологическое лидерство, для российской экономики характерны главным образом заимствования, консервирующие ее технологическое отставание. Отражением этого процесса является доля России на мировых рынках высокотехнологической продукции гражданского назначения, которая уменьшилась почти вдвое по сравнению с 2000 г. Сложившиеся тенденции ставят под сомнение достижение тех высоких показателей инновационного развития, которые намечаются перспективными планами до 2020 г.

7. Россия теряет позиции на мировых рынках. Структура отечественного товарного экспорта выглядит удручающе. В нем на долю сырьевых товаров приходится примерно 4/5 и только 1/5 – на готовую продукцию. Две трети экспорта обеспечивается всего тремя энергетическими товарами – нефтью, нефтепродуктами и природным газом. По доле готовых изделий в экспорте Россия уступает не только развитым, но и многим развивающимся странам. А между тем этот показатель, по существу, определяет возможности развития национального экспорта, так как в условиях глобализации мировая торговля прирастает преимущественно за счет продукции обрабатывающей промышленности. Российский импорт на 2/5 состоит из потребительских товаров, на долю производственного оборудования до кризиса приходилось менее четверти от всего объема импорта, в разгар кризиса эта доля упала ниже 20% и остается столь же низкой до сих пор.

Товарное наполнение внешней торговли определяется архаичным характером участия страны в международном разделении труда. Россия до сих пор осуществляет преимущественно обмен сырья на готовую продукцию и продовольствие, что было характерно для мировой торговли несколько десятилетий назад (межотраслевое разделение труда). В настоящее время в международной торговле превалирует внутриотраслевое разделение труда, когда страны обмениваются во многом аналогичными товарами, которые отличаются только отдельными характеристиками (типоразмер, дизайн, качество, дополнительные функции т.п.). При этом все чаще выпуск отдельных деталей, узлов и агрегатов либо выполнение технологических операций концентрируются на узкоспециализированных предприятиях, расположенных зачастую в разных странах и являющихся последовательными звеньями кооперированного производства конечного продукта (цепочек добавленной стоимости). По оценке ЮНКТАД, около 40% мировой торговли – торговля внутрифирменная, функция которой заключается в том, чтобы обеспечивать осуществление международного разделения производственного процесса. Во внутриотраслевое разделение труда наша страна по существу не вовлечена, что

делает неопределенными перспективы изменения в лучшую сторону ее позиций в международной торговле.

В торговле услугами Россия заметно отстает от ведущих торговых держав, находясь в начале третьей десятки экспортеров (доля страны в мировом экспорте услуг не превышает 1,5%, а в импорте – 2%), и имеет в этой торговле хроническое отрицательное сальдо. Экспорт услуг составляет 10-12% от экспорта товаров, тогда как в мире в целом этот показатель вдвое больше.

Участие России в международном движении капитала за прошедшие два десятилетия развивалось волнообразно. При этом негативные изменения внешней конъюнктуры приводят к значительному оттоку капитала из страны. В целом Россия выступает на мировой арене одновременно как крупный экспортер, так и импортер капитала, при том, что вывоз капитала превышает его ввоз. На начало 2011 г., по данным международной инвестиционной позиции, российские экономические агенты держали активы за рубежом на сумму 1173 млрд. долл., из которых лишь 31,5% приходился на прямые иностранные инвестиции, а свыше 40% - на резервные активы правительства и денежных властей. Из общей суммы привлеченного накопленного иностранного капитала в 1158 млрд. долл. на прямые иностранные инвестиции приходится более 40 %.

Важную проблему для России как экспортера капитала представляет «офшоризация» ее экономики, угрожающая экономической и политической безопасности страны. Существование налоговых убежищ заметно искажает суть экономической политики государства. По оценке главы Счетной палаты РФ С. Степашина, около 200 млрд. из 5 трлн. руб., выделенных руководством России для поддержки банковского сектора в условиях кризиса, не пошли по прямому назначению, были выведены за рубеж, осели преимущественно в офшорах (по имеющимся оценкам, $\frac{3}{4}$ всех вывозимых из России капиталов направляется в офшоры и спарринг-офшоры).

8. Финансовая система страны не способна обеспечить переход к устойчивому экономическому росту. Анализ основных параметров и пропорций бюджетов, принимавшихся в период экономического роста и на

период до 2014 г. позволяют сделать вывод, что они носят инерционный характер при крайне слабом и не результативном государственном воздействии на экономические процессы. Бюджетные расходы не обеспечивают должного решения проблем модернизации экономики, диверсификации производства на инновационной основе, реализации неотложных задач в социальной сфере. Стержнем бюджетной политики продолжает быть не оправдавшая себя линия на минимизацию бюджетных расходов и дефицита, а не на решение в приемлемые сроки и на должном уровне насущных социально-экономических проблем.

Проводимая и планируемая Банком России денежно-кредитная политика (ДКП), свидетельствует, что Банк России не обладает достаточной операционной самостоятельностью. Поэтому реализация мер ДКП в большей мере определяется налогово-бюджетной политикой Минфина России, носящей дискреционный характер, чем задачами финансовой стабилизации и монетарного регулирования национальной экономики.

9. Сложившиеся негативные тенденции социально-экономической эволюции России порождены системными причинами. Итогом двадцатилетнего функционирования российской экономики является тот факт, что, *несмотря на высокие в целом темпы экономического роста в прошедшее десятилетие, важнейшие параметры, характеризующие социально-экономическое состояние общества, свидетельствуют, что задача повышения эффективности экономики России, так и не была решена.*

Поскольку, несмотря на все предпринимаемые вот уже в течение десятилетия усилия экономических властей по перелому вектора сложившейся экономической динамики не дали сколько-нибудь значимого результата, постольку правомерно выдвигание гипотезы, что причины этого лежат на системном уровне. Подтверждением этого положения является отсутствие в созданной в 1990-х годах экономической модели потенциала развития экономики, не говоря уже об инновационном потенциале. Какие бы инвестиционные усилия ни предпринимало государство для перехода к

устойчивому росту на основе структурной и технологической модернизации экономики, массовой ориентации предпринимательского сектора на решение этих задач не произошло. Они в лучшем случае реализуют лишь «точечные прорывы», не способные изменить ситуацию в целом. Это иллюстрируется, в частности, тем, что при сопоставимом, а то и превосходящем уровне государственных затрат в процентах к ВВП на исследования и разработки, с технологически развитыми странами (США, Япония, Германия, Франция, Великобритания) и стремящимися быть таковыми (Китай, Бразилия Индия), предпринимательский сектор России отстает от своих конкурентов в разы, что и служит главной причиной низкого уровня этих затрат для России в целом. Аналогично обстоит дело и при сравнении доли затрат на исследования и разработки в структуре затрат на производство промышленной продукции, где такое отставание составляет уже более порядка. На отсутствие предпринимательского интереса, как ключевой причины низкого уровня инновационной активности справедливо указывают большинство экспертов.

10. Сохраняющееся огосударствление экономических отношений – главный тормоз прогрессивного развития. Важнейшим условием успешного предпринимательства является тесное взаимодействие с властными структурами. Без выполнения этого условия трудно создать эффективную, конкурентоспособную экономику. В нынешней России чаще всего речь идет не о партнерских отношениях государства и бизнеса, а о возможностях властных структур и их представителей оказывать существенное влияние на условия предпринимательской деятельности, а зачастую и диктовать свою волю. Данная ситуация есть форма проявления огосударствления отношений присвоения, формирующих фундаментальное неравенство в отношениях между предпринимателем и государством. Последнее в лице своих представителей в любой момент может отстранить собственников от процесса присвоения принадлежащего им капитала. Поэтому собственность в нынешней России не является надёжным социальным субстратом. По существу, нынешний российский собственник беззащитен. Ни о какой его самостоятельности не

может быть речи, он не может быть социально-экономической опорой общества. Частная собственность в нынешней России не защищена. По показателю защищённости частной собственности Россия среди 130 государств в июне 2011 года занимала 95-е место. Результатом является ориентация экономического интереса собственников не на структурное и технологическое развитие, требующее долгосрочных вложений в развитие материальной базы предпринимательской деятельности и человеческий капитал, а на максимизацию немедленного результата.

Разгосударствление было определено главным направлением «обвальная приватизации» 1992-1995-х гг. Однако под лозунгом разгосударствления был применен крайне примитивный подход к обновлению отношений собственности, за которым не стояло ни научных идей, ни анализа мирового опыта, согласно которым сама по себе приватизация не тождественна разгосударствлению. Отношения собственности, гораздо сложнее, чем ее юридические формы, простой сменой которых невозможно преобразовать их политико-экономическое содержание. В ней синтезируются производственные, экономические, социальные, интеллектуальные, духовно-нравственные, социокультурные, социопсихологические и другие начала, объективные и субъективные факторы общественного развития. Огосударствление экономики неизбежно породило такие явления, как квазирыночный характер сложившихся в ходе прошедшего десятилетия казалось бы новых экономических институтов, подобно тому, как советские институты являлись квазисоциалистическими; и гипертрофированное сосредоточением ресурсов в руках «Центра» на каждом уровне российской государственности, экономически удушающее и индивидуальную инициативу и любые формы самоуправления.

«Естественным ответом» предпринимательских структур на сохранение над ними всевластия «государевых людей» стал массированный вывоз капитала и его «офшоризация». Согласно существующим оценкам не менее 70 % активов, контролируемых 30 крупнейшими российскими компаниями, находятся под

контролем хозяйствующих субъектов, зарегистрированных в оффшорах или тесно связанных с оффшорами юрисдикциях.

Вне преодоления огосударствления российской экономики все меры, стимулирующие предпринимательский интерес к модернизационному экономическому поведению, не дадут сколько-нибудь значимого эффекта, что неминуемо означает российский проигрыш в глобальном экономическом соревновании. Решение этой задачи лежит за пределами узкоэкономических подходов на путях интеграции всей совокупности накопленных обществоведческих знаний.

Общеизвестно, что в России важнейшим условием успешного предпринимательства является тесное взаимодействие с властными структурами. Конечно, такое взаимодействие осуществляется в любой экономике. Но в данном случае речь идет не о партнерских отношениях государства и бизнеса, а о возможностях властных структур и их представителей оказывать существенное влияние на условия предпринимательской деятельности, а зачастую и диктовать свою волю. Именно эта ситуация исторически была характерна для российской экономики, предопределяя ее отставание от стран-лидеров и развитие по догоняющей траектории. Данная ситуация есть форма проявления огосударствления отношений присвоения, формирующих фундаментальное неравенство

в отношениях между предпринимателем и государством. Последнее и сегодня в лице своих представителей в любой момент может отстранить собственников от процесса присвоения принадлежащего им капитала. Поэтому собственность в нынешней России не является надёжным социальным субстратом. По существу, нынешний российский собственник беззащитен. Ни о какой его самостоятельности не может быть речи, он не может быть социально-экономической опорой общества. Частная собственность в нынешней России не защищена. По показателю защищённости частной собственности Россия среди 130 государств в июне 2011 года занимала 96-е место. Отсюда ориентация экономического интереса собственников не на структурное и технологическое развитие, требующее долгосрочных вложений в развитие материальной базы предпринимательской деятельности и человеческий капитал, а на максимизацию немедленного результата. Разгосударствление было определено главным направлением «обвальной приватизации» начала 1990-х гг. Однако под лозунгом разгосударствления был применен крайне примитивный подход к

обновлению отношений собственности, за которым не стояло ни научных идей, ни анализа мирового опыта, согласно которым сама по себе приватизация не тождественна разгосударствлению. «Естественным ответом» предпринимательских структур на сохранение над ними всевластия «государевых людей» стал массивный вывоз капитала и его «офшоризация». Согласно существующим оценкам 70 % активов, контролируемых 30 крупнейшими российскими компаниями, находятся под контролем хозяйствующих субъектов, зарегистрированных в офшорах или тесно связанных с офшорами юрисдикциях. Вне преодоления огосударствления российской экономики все меры, стимулирующие предпринимательский интерес к модернизационному экономическому поведению, не дадут сколь-нибудь значимого эффекта, что неминуемо означает российский проигрыш в глобальном экономическом соревновании. Решение этой задачи лежит за пределами узкоэкономических подходов на путях интеграции всей совокупности накопленных обществоведческих знаний.

Оценки социологов

1. **Однозначной оценки населения двадцатилетнего периода российских реформ не существует.** Поначалу реформы Ельцина – Гайдара были позитивно восприняты обществом. В первую очередь это было связано с высоким уровнем ожиданий и доверия к Б. Ельцину, возникших еще в предреформенный период. Однако уже вскоре сторонники реформ оказались в меньшинстве. Позитивное к ним отношение сегодня высказывают чуть более трети опрошенных (34%), а десять лет назад их было ещё меньше (28%). В то же время молодая активная часть населения начинает чувствовать взаимосвязь между собственными достижениями и реформами 90-х. В целом же общероссийское исследование ИС РАН показало: острота отрицательного отношения к реформам постепенно ослабевает, сменяясь сожалением об упущенных в 1990-е гг. возможностях.

Как неприятно это утверждать, но большинство россиян (около 70% опрошенных) не склонно соглашаться с точкой зрения инициаторов реформ о безальтернативности предпринятых в начале 1990-х мер, обусловленных глубиной экономического и политического кризиса. Истинная цель реформ, по мнению большинства, состояла не в скорейшем преодолении экономического кризиса, а в интересах как самих реформаторов, так и стоявших за ними общественных групп, стремившихся к переделу в свою пользу бывшей социалистической собственности. Именно этими целями во многом объясняется и свёртывание возможностей влияния общества на принятие политико-управленческих решений. Точку зрения реформаторов разделяют только те группы россиян, которым удалось повысить свой материальный уровень и социальный статус, и для которых результат реформ – важнее их изначальных целей.

2. **Реформы 1990-х, по мнению россиян, привели к ухудшению положения дел буквально во всех сферах жизни общества и страны, особенно в экономике и в социальной сфере.** Определённая часть населения склонна видеть «плюсы» в процессах, связанных с

демократизацией, свободой слова, правами человека. Лишь корректировка курса реформ, связанная с именем В. Путина, привела к смене однозначно негативного тренда 1990-х гг. Прежде всего, это относится к экономике, уровню жизни населения и особенно внешней политике. В то же время, фиксируется нарастание в 2000-е гг. негатива, связанного с ростом коррупции, бюрократического засилья, а также с деградацией социальной сферы.

Наряду с этим идёт постепенное, хотя и не ярко выраженное, переосмысление россиянами основных достижений и неудач реформ как в общезначимом, так и в личном аспектах. На передний план, заметно чаще, чем десять лет назад, выходят достижения, связанные с формированием в России «общества потребления» (некоторый рост благосостояния, насыщение рынка товарами и уход в прошлое экономики дефицита, свобода выезда за рубеж). Напротив, наши сограждане гораздо реже отмечают значимость обретённых в начале 1990-х гг. демократических прав и свобод.

Когда же речь идёт о приобретениях и потерях в личном плане, то здесь россияне отмечают, что, с одной стороны, реформы открыли новые возможности для самореализации, профессионального и карьерного роста, занятия предпринимательской деятельностью, участия в общественно-политической жизни. Но с другой стороны, по мнению большинства, «освоить» эти возможности смог сравнительно узкий круг людей, в то время как для многих граждан они остались либо труднодостижимыми, либо даже сократились.

3. Противоречивый процесс реформирования общества показывает: социально-психологическое состояние россиян всё в меньшей степени детерминировано условиями микроуровня (возраст, доход, текущие жизненные проблемы) и всё в большей степени начинает зависеть от факторов, связанных с массовой оценкой легитимности сложившейся в России модели социума.

В пореформенном обществе социально-психологическое состояние россиян, с одной стороны, характеризуется стабилизацией положительно окрашенных чувств и надежд на улучшение ситуации в будущем, а с другой стороны, ростом распространённости чувства несправедливости происходящего, стыда за нынешнее состояние страны, собственной беспомощности повлиять на происходящее. Естественным следствием этого выступает и быстрый рост среди наших сограждан чувства агрессии.

Агрессивные умонастроения, порождаемые общей неудовлетворённостью сложившимся в России типом социума, вероятнее всего приобретут националистическую окраску и могут вызвать, в случае перехода от настроений к реальным действиям, столкновения на национальной почве. Учитывая нарастание агрессивных чувств и пространственную локализацию их носителей, развитие событий по такому сценарию очень вероятно.

Социологические данные рисуют тревожную картину. Половина респондентов фиксирует, что в их местности бывают столкновения на почве национальной неприязни, а 68% откровенно признались, что испытывают раздражение по отношению к представителям других национальностей. Обнадёживает то, что около 90% русских и нерусских считают, что «насилие в межнациональных и межрелигиозных спорах недопустимо». В то же время 41% респондентов согласились с тем, что «все средства хороши для защиты интересов моего народа». Причём среди русских такие умонастроения распространены не меньше, чем среди других национальностей (43% и 34% соответственно).

Это новая ситуация 2000-х гг. В 90-е гг. подобные настроения намного чаще встречались именно у нерусских. Нынешние ответы русских вполне согласуются с актуализацией у них этнонационального самосознания. Растущая российская идентичность, совмещённая с этнической идентичностью, интегрирует людей, но и заставляет задуматься о

справедливости существующей системы распределения ресурсов, солидаризирует против несправедливостей.

4. В последние годы отмечается рост неудовлетворённости многих россиян своей жизнью на фоне некоторого улучшения их материального положения (рост среднедушевых доходов только за последний год примерно на 1,5 тыс. рублей на человека в месяц). Видимо, в период кризиса 2008-2009 гг. россияне признали необходимость «затянуть пояса», но они рассчитывали, что страна извлечёт из него уроки на будущее, или, хотя бы, что он коснётся всех в более-менее равной степени. Однако реальность оказалась иной – вся тяжесть кризиса оказалась, по мнению населения, возложена на рядовых граждан, а из острой фазы кризиса страна вышла лишь с усугубившимися негативными тенденциями своего развития, прежде всего – со всё усиливающейся коррупцией. Население ответило на это ухудшением своего социально-психологического состояния и ростом общего уровня недовольства жизнью, невзирая на стабилизацию своего материального положения.

Наибольшую тревогу у россиян вызывает кризис системы ЖКХ и рост жилищно-коммунальных платежей. Однако если рассмотреть динамику отношения россиян к различным явлениям и процессам в жизни страны, которые кажутся им наиболее тревожными, то лидером является всё же не «коммуналка», а проблема коррупции и засилья бюрократии. Причём, наиболее значимым объективным фактором, влияющим на распространённость соответствующих тревог, выступает не столько принадлежность к той или иной социальной группе, сколько регион проживания. Это ещё раз свидетельствует о глубокой неоднородности России в региональном разрезе.

Если говорить не о тревогах россиян, а о тех проблемах, которые мешают им жить, стоит отметить низкую долю тех, кто считает, что живёт нормально – это всего около четверти населения. Главными среди проблем выступают, прежде всего, низкий уровень жизни и отсутствие социальных

Ухудшение социального самочувствия многих наших сограждан обусловлено в значительной степени сужением каналов социальной мобильности. Возможности самостоятельно, за счёт смены места жительства, улучшить своё положение в обществе у россиян сегодня практически отсутствуют. Немногие исключения характерны, прежде всего, для части горожан, переехавших в сёла, а также горожан из крупных городов, переезжающих в города с меньшей численностью населения. Однако вектор внутрироссийской миграции носит обратный характер – большинство мигрантов едут в более крупные населённые пункты, чем те, в которых они выросли.

Межпоселенческая мобильность в разной степени характерна для разных поколений россиян, и, как правило, переезды в другой населённый пункт совершаются в возрасте до 30 лет. Однако нынешняя молодёжь, хотя и демонстрирует высокие показатели мобильности (13% переехавших на нынешнее место жительства за последнее десятилетие в группе до 30 лет), всё же характеризуется более низкими показателями мобильности, чем возрастные группы старше 40 лет в период их молодости. Это говорит о недоиспользованности потенциала мобильности российской молодёжи и сомнительности идеи о необходимости массового импорта в Россию рабочей силы из-за рубежа в условиях, когда в стране есть огромный внутренний ресурс перераспределения уже имеющейся в ней рабочей силы.

Потенциал миграции из России очень велик и серьёзно вырос за последние 10 лет. Сегодня уже около половины населения страны хотели бы уехать из России с разными целями, причём в группе до 30 лет доля таковых ещё больше. Навсегда хотели бы уехать 13% россиян. Это в два раза больше, чем 10 лет назад. Ещё 35% готовы уехать за рубеж «на заработки». Желание более трети всех работающих россиян превратиться в гастарбайтеров – яркое проявление неблагополучия на российском рынке труда, позволяющее глубже понять причины недовольства наших сограждан сложившейся в стране ситуацией.

6. Существенные изменения за годы реформ претерпели мировоззренческие установки россиян. Вместе с распадом СССР рухнула идеологическая гомогенность советского типа. Но на смену ей пришёл не столько «положенный», согласно теории, плюрализм, сколько нарастающая хаотизация ментального пространства. У разных социальных и социально-демографических групп, равно как и у территориальных образований, не исключая очень мелкие, стали появляться совершенно обособленные интересы, а вместе с ними и собственные мини-идеологии. Однако к началу 2000-х гг. появились идеи, которые могут претендовать на статус общезначимых. Это – единение народов России с целью её возрождения как великой державы, укрепление правового государства и объединение усилий всех народов для решения глобальных проблем, стоящих перед человечеством. Обращает на себя внимание рост числа сторонников социалистических идеалов. Это значит, что распространение социалистических убеждений среди россиян связано уже не столько с сохраняющимся у части населения советским опытом, сколько с негативными сторонами жизни в современной России и накоплением жизненного опыта вообще.

Вместе с тем, данные социологического мониторинга, проводившегося на протяжении всего периода реформ показывают, что ценностные ориентации российского общества достаточно устойчивы. Причём в их палитре заметное место занимают ценности свободы, справедливости, понимаемой, как равенство возможностей, труда, патриотизма. Безусловно, новые образы и идеи, которые очень активно продвигались реформаторами в информационное пространство, повлияли на массовое сознание и массовое поведение, в особенности – на молодёжь. Однако это влияние выразилось лишь в некоторых колебаниях «ценностной кардиограммы», не меняющих общую иерархию ценностей и распределение в обществе ценностных предпочтений различного типа.

При наличии общего «ценностного консенсуса» различных поколений (существующего несмотря на некоторые возрастные особенности тех или иных групп, в частности традиционные для молодёжи оптимизм и амбициозность) пореформенная молодёжь в существенно меньшей степени демонстрирует конформистские жизненные установки. Поэтому в реформах, прошедших за последние 20 лет, она видит больше плюсов, чем остальное население, и главные из этих плюсов для неё – появление возможностей для самовыражения и построения карьеры.

7. Соглашаясь с тем, что роль государства должна быть ключевой не только в экономической, но и в социальной сфере, население не готово поддержать ни либеральные модели социальной политики, при которых вмешательство государства в социальную сферу минимально; ни свободную рыночную экономику, при которой всё зависит от частных акторов. В социальной сфере как оптимальная в представлениях населения в последние годы преобладает модель, при которой государство обеспечивает всем определённый минимум, а остального каждый добивается сам. Однако симптоматичным представляется рост поддержки модели социального равенства, обеспечиваемого государством, который наблюдается в обществе в последние годы. Возможно, частично он связан с ростом запроса на равенство перед законом, правовое равенство и равенство возможностей для всего населения.

В основе оптимальной экономической модели страны, по мнению россиян, должна быть смешанная экономика с ведущим государственным сектором. Все стратегические отрасли экономики должны быть под контролем государства, а частное управление теми или иными организациями должно обязательно совмещаться с государственным контролем за ними. Представления россиян о роли государства в социальной и экономической сферах дифференцируются в зависимости от их возраста, уровня образования, типа поселения и других факторов. Однако запрос на ведущую роль государства в этих сферах всё же является преобладающим

практически во всех группах населения – различаются, скорее, представления разных групп о возможных формах и степени реализации этой роли.

Что же касается отношения россиян к демократическим ценностям и институтам, то его можно охарактеризовать, как «благожелательный скептицизм», т. е. благожелательное отношение к самой идее демократии как оптимальной форме организации общественной жизни и крайне скептическое, а иногда и негативное отношение к большинству институтов, которые эту идею призваны претворять в жизнь (выборы, парламентаризм, многопартийность, свобода слова и т. п.).

Уровень интереса большинства россиян к политической жизни страны по-прежнему низок. Однако есть симптомы, свидетельствующие о некотором оживлении общественной активности, главным образом, на локальном уровне. Косвенно это подтверждает тот факт, что сегодня востребованность инструментального потенциала демократии (акции прямого действия: митинги, демонстрации, забастовки, обращения в суд, в СМИ и т. п.) заметно превосходит показатели десятилетней давности.

8. Распад СССР, помимо новых представлений о месте России в мире, дал толчок к формированию новой российской идентичности. К 2011 г. российская идентичность стала не только самой распространённой (её отметили 95% опрошенных) среди наиболее значимых идентичностей, но и ощущение связи с ней стало наиболее сильным, оно выросло вдвое. При этом 90% населения по-прежнему сохраняет идентичность по национальности и по месту жительства. Однако сильную связь по национальному и локальному признаку чувствуют 50–60%, а с российскими гражданами – 72%. При таких высоких показателях распространённости и российской, и этнической идентичности теряет остроту вопрос их конкурентности и подтверждается их совместимость.

Казалось бы, подобные данные свидетельствуют о высокой интегрированности общества и надуманности темы о сепаратизме и

разобщённости населения страны. И в чём-то это действительно так. Но важны основания интегрированности и солидаризации: в немалой мере они основаны на обидах. Свыше 60% наших сограждан присоединились к мнению о том, что «люди моей национальности многое потеряли за последние 15–20 лет». Среди русских это мнение разделяют больше, чем среди других национальностей – 64% против 44% соответственно. Сплачивает обида за выход из Союза народов бывших Союзных республик, обида за критику пережитого прошлого, которое совсем недавно представлялось светлым будущим.

За двадцать лет реформ эти обиды не ушли из сознания людей. Они получили дополнительную подпитку за счёт тех чувств, которые переживают и другие народы в Европе, в тех странах, в которых имел место значительный и быстрый приток инокультурного населения. То, что государство – общий дом для российских народов, и все они должны обладать равными правами, и никто не должен иметь никаких преимуществ, остаётся наиболее распространённым мнением. Но с каждым годом оно становится всё менее поддерживаемым. В 90-е гг. это было мнение очевидного большинства (65%), а в 2000-е гг. – только половины россиян (47%).

9. Два десятилетия реформ стали серьёзным испытанием для морально-нравственных устоев общества. После того как государство фактически сложило с себя роль морального «наставника», а другие общественные институты не смогли или не захотели на себя эту роль принять, россияне оказались перед свободным выбором морально-нравственных ориентиров. И многие сделали выбор в пользу отказа от лишнего «морального бремени», поскольку игнорирование традиционных моральных предписаний стало в ряде случаев экономически и социально выгодным. Это очень беспокоит многих наших сограждан. Каждый третий опрошенный ухудшение морального состояния общества оценил как одно из самых негативных явлений на протяжении двух десятилетий реформ.

Несмотря на столь критичные оценки развития ситуации в сфере общественной морали, для большинства наших сограждан по-прежнему актуальны традиционные ценности и смыслы, нормы обыденного поведения. Россияне декларируют приверженность традиционным нормам в отношении большинства поступков и явлений, которые принято считать аморальными или, по меньшей мере, неэтичными (в их числе употребление наркотиков, гомосексуальные отношения, использование сексуальных связей для достижения корыстных целей, уклонение от налогов, дача взяток). Более того, сегодня актуальность большинства моральных норм заметно выше, нежели 10 лет назад, и тем более – по сравнению с 1990-ми.

В то же время, исследования ИС РАН выявляют релятивизм опрошенных в отношении некоторых сфер, которые регулируются не законом, а только общественной моралью (например, сознательный обман для достижения корыстных целей). Кроме того, исследования фиксируют проявление сравнительно нового для России явления – мультиморальности, когда люди, существуя в рамках своей моральной матрицы, признают право других людей жить по их собственным законам. Тем не менее, сам факт обеспокоенности состоянием морально-нравственного климата в обществе, переживание за потерю обществом его моральных традиций, которую многие россияне сегодня демонстрируют, – это не столько констатация утраты норм и традиций, сколько признак того, что общество и его граждане остро чувствуют их необходимость.

10. При оценке перспектив развития страны, особенно отчётливо выявляется неоднозначное, двойственное отношение россиян к нашему недавнему прошлому, настоящему и будущему. С одной стороны, большинство опрошенных (около 60%) считают, что вектор развития, который был избран после крушения коммунизма, в целом верен; и рано или поздно страна выйдет на траекторию устойчивого экономического и политического развития. Хотя немало и тех (около 40%), кто убеждён, что путь, по которому идёт современная Россия, ведёт страну в тупик. С другой

стороны, больше половины опрошенных (54%) полагают, что Россия, её экономика потеряла динамизм и отставание нашей страны от ведущих держав мира будет только нарастать.

В настоящий период лишь 18% опрошенных верят в возможность того, что в течение ближайших 5–10 лет Россия войдёт в число ведущих экономически развитых стран мира, станет страной развитой демократии. Отсюда некоторый рост сторонников перемен, более решительных мер по модернизации экономики, политической и социальной сфер. И это несмотря на то, что сторонники стабильности продолжают преобладать, хотя и не со значительным перевесом (57% против 42%). А вот среди молодёжи поддержка идеи модернизационного прорыва выглядит уже достаточно выраженной. Пока это слабо проявляющаяся тенденция. Но как показывает исторический опыт, когда запрос на перемены начинает овладевать умами людей, причём в молодых и активных группах, подобный запрос, так или иначе, начинает пробивать себе дорогу.

* * *

В завершении поставим следующие вопросы: так что же представляют собою двадцать лет реформ по-российски? Можно ли их представить как линейный, последовательный процесс, как продуманную системную общественную трансформацию, в ходе которой каждый последующий шаг являлся логическим и политэкономическим продолжением и развитием предыдущих?

Вполне очевидно, представить содеянное таким образом невозможно. Как показывают сформулированные выше тезисы, **цельная, единая, внутренне согласованная в основных своих направлениях двадцатилетка реформ в стране не получилась.**

А что получилось? Получилось то, что в новейшей истории России имеют место быть два относительно самостоятельных периода реформирования общества 1990-х – начала 2000-х годов. Первый период – ельцинское десятилетие; второй – в основе своей – путинское десятилетие.

Главный и, наверное, самый справедливый вердикт им выносит народное большинство (причем, разные социально-профессиональные и демографические группы).

Первое десятилетие в массовых оценках и суждениях предстает как провальное, как время несбывшихся надежд, как череда непродуманных, нескоординированных по основным сферам жизни общества радикальных практических мер, которые привели в конечном счете к небывалому обворовыванию государства, обнищанию огромной массы россиян и отбросили страну в ее развитии на многие годы назад. Особое рвение в эгоистическом переустройстве основ российского общества проявили так называемые младореформаторы, дошедшие до общенародной собственности и оставившие населению пустопорожние ваучеры.

Второй десятилетний период реформ, связанный, прежде всего, с именем В. Путина, оценивается в общественном мнении как решительный поворот практической политики в сторону общества, наведения в стране конституционного порядка, выведения ее из самой острой фазы экономического кризиса на траекторию стабильного развития. При том, что преемственность от реформ начала 1990-х годов получили такие базовые экономические институты как приватизация, частная собственность, либерализация цен и т.п., в 2000-е годы удалось вернуть государство в социальную сферу, значительно снизить долю беднейших слоев населения, укрепить армию, поднять международный авторитет страны. И все же серьезные проблемы как наследие 1990-х остаются, ибо за одно десятилетие их не решить. Это и всепроникающая коррупция, и глубокие социальные неравенства, и огромный разрыв в уровне доходов и качестве жизни между богатыми и бедными, что безусловно снижает общественный эффект практических усилий нынешней власти.